

УДК: 7.074

ББК: 85.101

A43

DOI: 10.18688/aa199-6-69

А. В. Гусева, В. В. Деменова

История коллекционирования искусства Востока: выявление собраний чаоторговцев в коллекциях региональных музеев России

Российские собрания предметов искусства Востока, хотя и введены в научный и выставочный оборот, на данный момент всё же не являются в достаточной степени изученным материалом¹. Некоторые аспекты формирования столичных музейных коллекций отчасти затрагивались в исследованиях специалистов [6; 15; 17; 18; 19; 20], однако вопросы создания восточных собраний региональных музеев ещё только начинают изучаться [1; 8; 22; 23; 29; 32]. Под «предметами искусства Востока» мы подразумеваем произведения светского (или трактуемого как светское) декоративно-прикладного искусства (фарфор, лаки, бронзы, перегородчатые эмали, текстиль) и живописи, созданные в странах Дальнего Востока, в основном в Китае или Японии, иногда на территории Монголии.

Среди многочисленных дореволюционных источников поступлений восточных вещей в Россию можно выделить один, вероятно, наиболее повлиявший на характер региональных собраний, — это чайный путь из Китая в Россию [30]. Развитие чайного пути на территории Российской империи тесно связано с историей российско-китайских отношений, и его начало относят к 1727 г., когда был подписан Кяхтинский договор, позволивший не только определить границу между Цинской и Российской империями, но и узаконить торговые взаимоотношения [24]. Толчок развитию частной торговли дала отмена государственной монополии на торговлю с Китаем в 1762 г. [11, с. 230–232].

Хотя вначале наряду с чаем основным товаром кяхтинской торговли (в первое время меновой) была пушнина, с 1800-х гг. чай постепенно начинает преобладать, а к середине XIX в. уже составляет 95% всего объёма товаров, ввозимых через Кяхту [13, с. 36]. Количество чая также неизменно увеличивается: если в 1839 г. в Кяхту было

¹ Хотелось бы поблагодарить наших коллег из музеев, которые оказали неоценимую помощь в сборе материала для этого исследования: А. В. Арьяжапову, Л. Б. Цыденову и А. О. Цыденову из Кяхтинского краеведческого музея им. академика В. А. Обручева; Т. А. Боронову, А. Ж. Бальжурову из Музея истории Бурятии им. М. Н. Хангалова в Улан-Удэ; А. М. Парфёненко, А. А. Грызлову, Т. П. Огородникову из Иркутского областного художественного музея им. В. П. Сукачёва; И. В. Кореневу, А. И. Шинкового из Иркутского областного краеведческого музея; А. И. Кожухаря из Иркутского областного дома народного творчества; Н. К. Пластинину и её коллег из Ирбитского историко-этнографического музея; С. Е. Винокурова из Екатеринбургского музея изобразительных искусств и сотрудников Свердловского областного краеведческого музея им. О. Е. Клера.

привезено около 190 тысяч пудов² чая, таможенные сборы с которого составили до 19 миллионов рублей [16, с. 276]; то в 1861–1870 гг. уже 405 тысяч пудов [32, с. 10], а в 1890-е — 1077 тысяч [37, р. 46].

В Китае чайные торги происходили в мае, затем чай упаковывался и в караванах отправлялся в Калган, а оттуда уже в Кяхту. Далее — частично по суше следовал на зимнюю февральскую Ирбитскую ярмарку; а частично по суше и речным транспортом к июлю транспортировался на летнюю Нижегородскую ярмарку, что занимало от шести до восьми месяцев [32, с. 15]. К ключевым городам, входящим в этот торговый путь от границы России и Китая, относятся: Кяхта, Улан-Удэ (бывш. Верхнеудинск), Иркутск, Красноярск, Омск, Ирбит и Нижний Новгород, где проходили ярмарки, а так же Москва и Санкт-Петербург, где располагались магазины и центральные конторы многих компаний [12; 25; 27; 32; 35; 36; 37].

Однако в середине XIX в. происходит целый ряд значительных изменений, которые определяют развитие кяхтинской торговли.

Во-первых, меняется регион поставки чая. Первоначально основу торговли составлял цветочный чай, который поставлялся из восточной провинции Фуцзянь. Он был известен как «сансинский», так как привозился торговцами провинции Шаньси. Однако Тайпинское восстание (1850–1864) затруднило доступ к плантациям на юго-востоке Китая, и фуцзяньский чай был вытеснен чаями из провинции Хубэй. Чёрный чай большей частью также происходил из центральных провинций Хунань и Хубэй [13, с. 3]. Основной урожай поступал в Ханькоу (часть современного городского округа Ухань) на реке Янцзы, откуда перевозился в Фаньчэн (часть современного городского округа Сянъян) и далее уже в Калган, Ургу и оттуда — в Маймачен (город китайских купцов у границы) и Кяхту, уже на русской стороне [35, р. 198].

Во-вторых, после 1860 г. российские купцы получают доступ к китайскому рынку. Пекинский договор 1860 г. разрешил российским купцам «ездить для торговли из Кяхты в Пекин» (Пекинский договор, ст. 5), и определил, что они «в местах, открытых для торговли, могут заниматься торговыми делами совершенно свободно» (ст. 7). Дополнительное соглашение 1862 г. о «Правилах сухопутной торговли» разрешало «вести торговлю беспошлинно на расстоянии 100 китайских ли» от границы [21]. В результате начиная с 1860-х гг. русские купцы перестают закупать чай у китайских посредников и открывают закупочные конторы и производство в Ханькоу. В 1869 г. в Маймачене осталось лишь четыре компании из Шаньси, а к 1890-м гг. и они оставили рынок [35, р. 201].

У российских компаний чаоторговцев³ были отделения в Фучжоу (провинция Фуцзянь) и в Цзучзяне (провинция Цзянси) [34, р. 199]. Доступ к водным путям позволил сократить время доставки чая до Кяхты. Кроме того, начиная с 1866 г. русские купцы монополизировали производство чая в брикетах, который по реке Янцзы доставлялся в Шанхай, оттуда морем в порт Тяньцзин, а затем уже на верблюдах в Кяхту и далее в Европу [34, р. 58].

² 1 пуд = 16,36 кг

³ К крупнейшим относились компании «С. В. Литвинов и К°» (основана в 1863 г.), «Токмаков, Молотков и К°» (1866), «Молчанов, Печатнов и Ко» (1874), «Братья К. и С. Поповы (с 1888 г.), «А. Губкин преемник А. Кузнецова и К°» (с 1880-х гг.) [см. 27, 35, 36].

В 1861 г. таможня из Кяхты переводится в Иркутск, но Кяхта сохраняет своё значение центрального пункта пограничной чайной торговли вплоть до 1880-х гг., когда из-за целого ряда природных и экономических факторов изменились транспортные чайные пути. Засуха 1885 г. привела к снижению поголовья верблюдов, а развитие морского (с 1869 г. через Суэцкий канал) и железнодорожного сообщений выдвинуло новые пограничные центры чайной торговли, такие как Одесса (с 1880-х) и Владивосток (с 1900-х), позволявшие быстрее и безопаснее⁴ доставлять товары на ярмарки. А с 1909 г. суда российского Добровольного флота регулярно курсировали между Ханькоу и Владивостоком⁵.

Таким образом, начиная со второй половины XIX в. русские купцы не только торговали с китайскими, но и сами активно развивали свои компании внутри Китая, в том числе изучая китайский язык [35, р. 199–200]. А с развитием новых торговых путей в начале XX в. получили доступ не только в крупные китайские города, такие как Шанхай, но и в Японию, откуда также могли привозить предметы быта и искусства.

Исходя из этих данных, логично предположить, что музеи городов, входивших в чайный путь в XIX — начале XX в., могут иметь в своих коллекциях предметы искусства Востока, происходящие из частных собраний чаоторговцев или людей, связанных с чайной торговлей.

С целью проверки этой гипотезы и выявления предметов, восходящих к дореволюционным собраниям чаоторговцев, и по возможности прояснения их провенанса нами была предпринята попытка изучения коллекций музеев, расположенных в важных для чайного пути городах. А именно, в Иrbите, Иркутске, Улан-Удэ и Кяхте, откуда и начался чайный путь на территории России.

Основные задачи исследования:

1. Определение времени попадания в музей восточных предметов по книгам поступлений и выделение среди них дореволюционных вещей.
2. Выявление основных путей и механизмов попадания восточных предметов на территорию Российской империи до революции, а после 1917 г. — в музеи.

Как и предполагалось, каждый город чайного пути имел свои особенности, что неминуемо сказывалось на разнообразии источников нынешних музейных собраний. Наиболее цельными с точки зрения источников поступления оказались коллекции музеев в Кяхте и Иrbите.

Восточное собрание Иrbитского историко-этнографического музея представляет собой уникальный случай в ряду других коллекций, так как большая часть вещей происходит из одного источника — из собрания купца первой гильдии из города Туринска, миллионера и мецената Семёна Андреевича Чиркова (1847–1906) [4].

С. А. Чирков был совладельцем механического завода «В. Грачёв и компания» в Москве, имел недвижимое имущество в Туринске, а также в популярных у чайных предпринимателей китайских городах Ханькоу и Харбине [3]. В начале 1920-х гг. его кол-

⁴ После Иxэтуаньского восстания, когда в 1900 г. всем иностранцам было предписано покинуть Калган; в июне порт Тяньцзяна был закрыт и товары отправляли в Николаевск и Владивосток; с 1903 г. все чайные операции уже проводились через Порт-Артур [35, р. 211].

⁵ Согласно расписанию Добровольного флота к 1915 г. были регулярные рейсы Владивосток — Цуруга (Япония), Владивосток — Шанхай и Владивосток — Одесса [5].

лекция находилась в Туринском уездном музее им. А. В. Луначарского, а в 1928 г. была передана в Ирбитский музей, ставший впоследствии историко-этнографическим, о чём имеются записи в Книгах поступлений Ирбитского историко-этнографического музея.

Примечательно, что в собрании есть вещи не только китайского происхождения, но и довольно много японских, в том числе фабрик Сацума и Арита. Исключая фотографии, в коллекции музея 139 предметов, большая часть которых представлена на экспозиции «Чарующий Восток» (Илл. 1). При том что набор в основном довольно стандартный — фарфоровые вазы разных размеров, чаши и статуэтки, есть также и лаки, клуазоне, вышитые картины. По качественному составу коллекцию можно разделить на две условные группы. В первую входят предметы, аналоги которых встречаются и в других собраниях музеев чайного пути (большие напольные вазы или фарфоровые сервизы типа Сацума); Во вторую — экспонаты, главным образом японские, которые гораздо реже встречаются в изученных нами коллекциях музеев чайного пути. К этой группе можно отнести, например, чайничек в виде перепёлки (инв. ИМ 434 Э-89) (Илл. 2), который первоначально был записан как китайский, но представляет собой типичный пример заварочного чайника типа «керамики Банко», производимой в префектуре Миэ в Японии в эпоху Мэйдзи (скорее всего около 1880-х гг.). Эта керамика хотя и была массовой, но отличается высоким качеством ремесленного производства и тонкостью декора [26, с. 34–35]. Другие по форме, но близкие по стилю чайнички есть в собрании Государственного Эрмитажа. В частности, приёмы (передача оперения в виде белых пятен глазури, обрисованных коричневатым тонким контуром), используемые мастером при изображении журавлей на тулове чайника из Ирбита, очень близки изображениям журавлей на чайнике из Эрмитажа (Инв. ЯК-346 а, б) [26, с. 94–95].

К этой же группе можно отнести и китайскую вазу с шаровидным туловом, украшенную изображениями драконов, выполненными надглазурным золотом по чёрному фону (инв. ИМ 531 Э-466) (Илл. 3). Несмотря на то что на дне снаружи есть каллиграфическая надпись красной тушью: «Да-цин Цянь-лун нянь чжи» — «Сделано при Великой династии Цин [во время правления императора] Цяньлуна» (1736–1796) (Илл. 4), ваза скорее была изготовлена в XIX в.⁶, а такая печать — дань уважения мастерам великому периоду в истории фарфора.

Нужно отметить, что в целом вещи, связанные с чайным путём, нередко попадали именно в краеведческие музеи. Например, в коллекции Свердловского областного краеведческого музея имени О. Е. Клера есть довольно объёмное собрание предметов китайской и японской керамики. В основу этой коллекции легло собрание Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ), уже после 1917 г. дополненное некоторыми экспонатами из Ирбита и других городов края, а также предметами из частных екатеринбургских собраний. В состав «восточных коллекций» музея входят благожелательные картины «няньхуа», одежда народов Центральной Азии и Дальнего Востока, керамика, изделия из фарфора, отдельные этнографические и бытовые предметы, оружие и сувениры [10]. Из семидесяти предметов керамики китайского и японского производства в собрании музея большая часть относится к дореволюционным посту-

⁶ Атрибуция дана по предварительному обследованию и возможно уточнение.

плениям и датируется XVIII–XIX вв., но есть и ряд экспонатов, переданных в музей в 1950–1970-е гг.

Из числа старых поступлений особого внимания заслуживают японская шаровидная курительница, увенчанная фигурой феникса (Инв. с/м 872; утраты и сколы), во многом напоминающая курительницу из коллекции Эрмитажа (Инв. ЯК-2057 а, б); небольшая японская вазочка в технике клуазоне с мотивами бабочек (Инв. с/м 873), а также десять чайных разрозненных предметов фабрики Сацума эпохи Мэйдзи (1868–1912).

Богатейшая коллекция, собранная благодаря деятельности Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества (ВСОИРГО), стала основой Иркутского областного краеведческого музея, открытого в 1782 г. Книги поступлений, по которым и сегодня можно проследить, откуда и кто подарил или приобрёл для общества тот или иной предмет, по-прежнему находятся в Краеведческом музее, и его сотрудниками сейчас ведётся их обработка.

Однако существовавшая в СССР практика перераспределения музейных предметов приводила к перекомпоновке собраний. Экспонаты из краеведческих музеев, наиболее ценные с художественной точки зрения, могли быть переданы в художественные музеи. Так, например, случилось с 30-сантиметровой скульптурой Бодхисаттвы Каннон (Сацума, инв. Ф-7 КП-4760), которая была передана в собрание Екатеринбургского музея изобразительных искусств из фондов Свердловского областного краеведческого музея 1 апреля 1936 г.

В Иркутске по той же причине большая часть предметов из собрания Краеведческого музея начиная с 1920-х гг. передавалась в Художественный музей. Поэтому значительную часть восточной коллекции Иркутского областного художественного музея им. В. П. Сукачёва составляют предметы из собрания ВСОИРГО, однако здесь были и другие источники поступлений⁷.

В частности, в собрание вошли предметы из дома иркутского головы, купца первой гильдии В. П. Сукачёва, чья коллекция живописи легла в основу Иркутского художественного музея. Хотя в отличие от собрания изобразительного искусства восточные вещи нельзя назвать коллекцией, но скорее предметами обстановки, которые собирались по личному вкусу владельцев. У Сукачёвых как в их доме в Иркутске, так и в квартире в Санкт-Петербурге были предметы из Китая и Японии, о чём свидетельствуют фотографии из архива музея. Многие из этих вещей сейчас находятся в собрании Художественного музея.

Кроме того, коллекция фарфора и керамики была значительно пополнена в 1939 г., когда в музей были привезены несколько сотен предметов с Хайтинской фарфоровой фабрики купцов Переваловых, при которой существовал свой богатый музей фарфора с образцами из Японии, Китая и всех крупных европейских фарфоровых производств [29].

Среди собраний иркутских чиновников выделяется также коллекция старшего председателя Иркутской судебной палаты Н. П. Еракова (1853–1923), из которой про-

⁷ В Приложении 1 и Приложении 2 к диссертации А. И. Кожухарь приводит списки экспонатов из фондов Иркутского краеведческого музея, связанных с бытом купечества, среди которых есть и дальневосточные предметы [13, с. 194–196].

исходят 13 скульптур даосских бессмертных — одна из жемчужин Иркутского музея. Часть коллекции Еракова перешла к его дочери Софье Николаевне и её мужу Е. В. Дакшо [7]. Всего из этого собрания сейчас в фондах Иркутского художественного музея 444 экспоната, в том числе произведения из Китая и Японии.

Фонды Кяхтинского краеведческого музея им. академика В. А. Обручева и его филиала в г. Улан-Удэ, в котором восточные предметы составляют значительную часть экспозиции, формировались также из нескольких источников [32, с. 22–23]. Кяхтинский краеведческий музей был создан в 1890 г. усилиями Петра Савича Михно, члена Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Императорского русского географического общества. Коллекция Кяхтинского подразделения РГО до сих пор составляет основу собрания музея, насчитывающего 120 000 единиц хранения.

Ещё одним источником стали предметы, переданные жителями Кяхты, как добровольно, так и принудительно после революции. Весьма внушительное количество вещей, разнообразных по качеству, позволяет предположить, что они могли как привозиться из Китая или приниматься в качестве подарков, так и покупаться в лавках уже на территории России. О том, что торговые связи поддерживались не только с Китаем, но и с Японией, говорит, например, тот факт, что после 1895 г. кяхтинские купцы Лычаков и Корнаков открыли в Кяхте магазин японских товаров, который просуществовал, видимо, чуть меньше восьми лет, так как Корнаков уже в 1903 г. разорился [2, с. 91]. Во многих лавках, специализирующихся на чайной торговле, могли также быть магазины «вещей китайской и японской работы», как это, например, указано в рекламе одного такого магазина в Сибирском торгово-промышленном календаре.

Таким образом, предварительное исследование собраний предметов восточного искусства, которые происходят из дореволюционных источников, показало, что большая их часть поступила в музеи ещё в довоенное, а иногда даже дореволюционное время. Хотя есть определенная доля вещей, которые закупились музеями уже во второй половине XX в. через антиквариаты (и в этом случае провенанс предмета проследить практически невозможно) или у наследников коллекционеров (такие предметы, например, есть в иркутских коллекциях как Художественного, так и Краеведческого музеев).

Иркутск оказался наиболее многоликим с точки зрения источников формирования восточных собраний. Это, безусловно, связано с тем, что на протяжении нескольких столетий город оставался своеобразными «воротами в Азию», где активно действовало Сибирское отделение Русского географического общества (СОРГО), откуда уходили многочисленные экспедиции, деньги на которые выделяли купцы и другие состоятельные жители, такие как Сукачёв; и где в 1850–1890-е гг. функционировала таможня.

Сходная картина наблюдается и в Кяхте, знаменитой своими купцами-миллионщиками, где также действовало местное подразделение Русского географического общества и располагалась таможня.

В целом можно выделить три ключевых источника поступлений предметов восточных коллекций в музеи городов, стоящих на чайном пути.

Во-первых, коллекции, собиравшиеся благодаря деятельности Русского географического общества (РГО) или таких организаций, как УОЛЕ (Уральское общество любителей естествознания). Это наблюдается в музеях Екатеринбург, Иркутск и Кяхты.

Во-вторых, предметы, попавшие в музеи из купеческих домов и домов интеллигенции в 1920-е гг., нередко благодаря действиям Комиссии по выявлению и сохранению памятников искусства и старины, что наблюдается во всех городах.

И в-третьих, цельные собрания, поступившие в музеи. Это уже единичные случаи, и на данный момент мы можем говорить только о собрании купца Чиркова в Ирбитском музее, коллекции из собрания Хайтинской фарфоровой фабрики купцов Переваловых и коллекции Еракова в Иркутском художественном музее.

Кроме того, предварительный анализ состава собраний показал, что можно выделить определённые линейки наиболее часто встречающихся предметов. Например, керамические изделия типа Сацума (как японского производства, так и китайские имитации) встречаются во всех собраниях от Кяхты до Ирбита; чайники самых разных форм; металлические вазы клуазоне; и конечно, крупные китайские и японские напольные вазы, которые можно было встретить как в частных домах, так и в интерьерах чайных магазинов.

Безусловно, затронутые нами коллекции — лишь малая толика огромной картины бытования и коллекционирования восточного искусства в городах России XIX в. Одна из основных трудностей при установлении происхождения предметов — это чрезмерная лаконичность или фрагментарность записей в книгах поступлений 1920–1940-х гг. И хотя во всех музеях ситуация с книгами поступлений различна, редко когда получается восстановить полностью всю цепочку передач.

Однако фотографии и архивные материалы свидетельствуют о том, что предметов было много, причём самого разного качества. Более того, данное исследование неизбежно влечёт за собой работу по атрибуции экспонатов, которая, как мы надеемся, позволит не только ввести многие предметы в общий контекст дальневосточного искусства XIX–XX вв., но и расширить наши знания по истории российского коллекционирования и собирательства.

Отметим также, что попадание в Россию восточных предметов благодаря чайному пути — лишь начало их долгой истории. Хотя значительная их часть оседала в городах, имевших отношение к чайной торговле, с уверенностью можно сказать, что путь этих вещей пролегал гораздо дальше, вслед за своими хозяевами, в столицы и другие города, где купцы владели лавками и магазинами; Более того, в начале XX в. нередко сибирские купцы перебирались в Крым и Одессу вместе с имуществом и любимыми или престижными для того времени предметами быта. Их судьба — ещё один пласт, который предстоит изучить.

Литература

1. Ашиткова А. Ю. Китайские расписные эмали в собрании Радищевского музея // Материалы XII Боголюбовских чтений. 2010. URL: <http://ogis.sgu.ru/ogis/bogo/mat12/mat12-15.html> (дата обращения: 03.05.2018).
2. Батоцыренов Э. А. Деятели Троицко-Кяхтинского отделения РГО. — Улан-Удэ: Изд. дом «Экос», 2015. — 184 с.
3. Давыдов В. И. Духовное завещание купца 1-й гильдии С. А. Чиркова. Заметки к родословной мещан Чирковых // Родоведческий сборник «Прикосновение к векам. Туринская старина». — Туринск, 2012. — № 3. — С. 79–86.
4. Деменова В. В., Гунба С. Т. Судьба восточной коллекции туринского купца С. А. Чиркова в революционные и послереволюционные годы // Человек в мире культуры. Региональные культурологические исследования. — 2017. — № 2/3 (21). — С. 56–60.

5. Добровольный флот. Петербург. Срочные рейсы // Добровольный флот. Петербург. — Петроград: [б. и.], 1915. — 136 с.
6. Еремеева Е. А. Коллекция дальневосточного фарфора в китайских интерьерах Большого Царскосельского дворца // Кучумовские чтения / Гос. муз.-зап. «Павловск»; под ред. А. Н. Гузанова. — СПб.: Павловск, 2014. — С. 107–120.
7. Звягин С. П. Судьба коллекции предметов искусства сенатора Н. П. Еракова // Вестник КемГУ-КИ. — 2012. — № 18. — С. 16–21.
8. Кабунова Е. М. Из истории формирования и экспонирования искусства стран Востока в собрании Иркутского областного художественного музея им. В. П. Сукачёва // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. — 2017. — № 25. — С. 147–155.
9. Казакова В. В. Фарфор в частных коллекциях России в первой половине XVIII века // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2008. — № 77. — С. 100–107.
10. Киселёва Н. А., Киселёв Е. А. Экспонирование «восточных коллекций» Свердловского областного краеведческого музея: новые подходы // Краеведческий музей: история, коллекция, люди (к 150-летию Кировского областного краеведческого музея): Сб. статей и материалов Всероссийской научно-практической конференции. В 2 т.: Т. 1. — Киров: О-Краткое, 2016. — С. 220–223.
11. Ковальчук А. В. Об экономической свободе, северных морских промыслах и архангелогородском губернаторе Е. А. Головцыне (1760–1770-е гг.) // Образы аграрной России IX–XVIII вв. / РАН; отв. ред. Е. Н. Швейковская. — М.: Индрик, 2013. — С. 230–255.
12. Кожухарь А. Н. Периодизация русско-китайской чайной торговли (XVII–XIX вв.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2011. — № 8 (14). — Ч. 2 / 2011. — С. 115–117.
13. Кожухарь А. Н. Влияние российской чайной торговли с Китаем и Монголией на повседневность населения Восточной Сибири во второй половине XIX века: дис... к. и. н. — Иркутск, 2016. — 212 с.
14. Критл Н. Будущность Кяхтинской торговли. — СПб.: Типография Артиллерийского департамента В. М., 1862. — 101 с.
15. Кузьменко Л. И. Д. М. Мельников — русский коллекционер в Китае // Воображаемый Восток. Китай «по-русски», XVIII — начало XX века: по материалам выставки в Большом дворце Государственного музея-заповедника «Царицыно» / авт.-сост., науч. ред. О. А. Соснина. — М.: Кучково поле, 2016. — С. 178–183.
16. Кюстин А. де. Николаевская Россия / пер. с фр. Я. Гессена, Л. Домгера; вступ. ст., ред. и примеч. С. Гессена, А. Предтеченского. — М.: Терра, 1990. — 288 с.
17. Меньшикова М. Л. Искусство Китая в коллекциях Половцевых // Наше Наследие. — 2006. — № 79–80. URL: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/7920.php> (дата обращения: 03.05.2018).
18. Меньшикова М. Л. Из музейных коллекций Петербурга начала XVIII века: несколько китайских раритетов и их рисунки // Эрмитаж. — 2014. — № 20. — С. 98–107.
19. Московские коллекционеры произведений искусства Востока / авт.-сост. И. Л. Кузьменко и др. — М.: Государственный музей Востока, 1997. — 124 с.
20. Неглинская М. А. Коллекции китайского экспортного искусства XVII–XVIII столетий в отечественных музеях и их изучение // Информационные материалы ИДВ РАН, Вып. 3: Исторические события в жизни Китая и современность / отв. ред. Н. В. Мамаева. — М.: ИВД РАН, 2013. — С. 235–245.
21. Русско-китайские отношения. 1689–1916. Официальные документы. — М.: Изд-во восточной литературы, 1958. — 139 с.
22. Рыжикова Н. А. Коллекция Д. Г. Бурылина в собрании Ивановского художественного музея: Проблемы реконструкции // Меценаты русской провинции: история и современность: сб. материалов второй научно-практической конференции / отв. ред. Д. Л. Орлов. — Иваново: Изд-во ИГИКМ им. Д. К. Бурылина, 2012. — С. 264–270.
23. Свой Восток. Буддийское искусство XIV–XX веков из музейных и частных собраний: научный каталог выставки в Екатеринбургском музее изобразительных искусств / Ю. И. Елихина, В. В. Деменова, С. Е. Винокуров. — Екатеринбург: ЕМИИ, 2018. — 112 с.
24. Сладковский М. И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). — М.: Наука, 1974. — 439 с.
25. Соколов И. А. Чай и чайная торговля в России: 1790–1919 гг. — М.: Спутник+, 2011. — 493 с.
26. «Сосуд вечной радости»: японские миниатюрные чайники для чая сэнтя в собрании Эрмитажа: каталог выставки / Т. Б. Арапова, А. А. Егорова. — СПб.: Изд-во ГЭ, 2015. — 232 с.

27. Субботин А. П. Чай и чайная торговля в России и других государствах: производство, потребление и распределение чая. — СПб.: А. Г. Кузнецов, 1892. — 706 с.
28. Томпсон С. Р. Российская внешняя торговля XIX — начала XX в.: организация и финансирование. — М.: РОССПЭН, 2008. — 470 с.
29. Шинковой А. И. История развития и формирования коллекции японских фарфоро-керамических изделий эпохи Мэйдзи в Иркутском областном художественном музее: дис... к. и. н. — Иркутск, 2001. — 405 с.
30. Шинковой А. И. Из истории сибирского фарфора // Искусство Иркутска в контексте художественной культуры Сибири XVII — нач. XXI в. / Седьмые Сибирские искусствоведческие чтения. — Иркутск: Арт-галерея «Dias», 2012. — С. 20–24.
31. Шмотикова Л. А. На границе двух империй: торговые города Кяхта и Маймачан // Воображаемый Восток. Китай «по-русски», XVIII — начало XX века: по материалам выставки в Большом дворце Государственного музея-заповедника «Царицыно» / авт.-сост., науч. ред. О. А. Соснина. — М.: Кучково поле, 2016. — С. 144–163.
32. «Чайный путь» в коллекциях музеев Бурятии / Национальный музей Республики Бурятия; под ред. Л. М. Сахаровской. — Улан-Удэ: Кяхтинский краеведческий музей им. акад. В. А. Обручева, 2011. — 73 с.
33. Японская керамика Сацума в собрании Эрмитажа. Каталог выставки / Гос. Эрмитаж; сост. Т. Б. Аранова, А. А. Егорова. — СПб.: Изд-во ГЭ, 2009. — 168 с.
34. Allen G. C., Donnithorne A. G. Western Enterprise in Far Eastern Economic Development. — London; New York: Routledge, 2003. — 296 p.
35. Lee Ch. From Kiachta to Vladivostok: Russian Merchants and the Tea Trade // Region. — 2014. — Vol. 3. — No. 2. — P. 195–218.
36. Thompstone S. Russian Tea Traders // Journal of Renaissance and Modern Studies. — 1980. — Vol. XXIV. — P. 131–163.
37. Wanner M. The Russian-Chinese Trade in Kyakhta: Its Organisation and Commodity Structure, 1727–1861 // Prague Papers on the History of International Relation. — 2014. — Vol. 2. — P. 35–49.

Название статьи. История коллекционирования искусства Востока: выявление собраний чаоторговцев в коллекциях региональных музеев России.

Сведения об авторах. Гусева Анна Валентиновна — Ph. D., доцент. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Старая Басманная ул., д. 21, корп. 4, Москва, Российская Федерация, 105066. aguseva@hse.ru

Деменова Виктория Викторовна — кандидат искусствоведения, доцент. Уральский федеральный университет имени первого президента России Б. Н. Ельцина, ул. Ленина, д. 51, Екатеринбург, Российская Федерация, 620000. vikina@mail.ru

Аннотация. Российские собрания предметов искусства Востока, хотя и введены в научный и выставочный оборот, на данный момент ещё не являются в достаточной степени изученным материалом, особенно в части формирования собраний региональных музеев. И хотя история создания музейных коллекций показывает, что это был сложный и многослойный процесс, значительная доля предметов восходит к дореволюционным собраниям. Среди многочисленных дореволюционных источников поступления можно выделить один, вероятно, наиболее повлиявший на характер региональных собраний, — это чайный путь из Китая в Россию.

В качестве рабочей гипотезы было выдвинуто предположение, что в коллекциях музеев городов, входивших в чайный путь и/или связанных с ним торговыми отношениями, значительная доля предметов может происходить из собраний чаоторговцев и в определенной степени быть однородной по составу и качеству. Целью данного исследования стало определение пласта предметов, восходящих к дореволюционным собраниям чаоторговцев. Исходя из цели, поставлена задача в сотрудничестве со специалистами из музеев провести анализ состава коллекций в городах, связанных географически и экономически с чайным путём, таких как Екатеринбург, Ирбит, Иркутск, Улан-Удэ и Кяхта.

Ключевые слова: Ирбит; искусство Востока; искусство Китая; коллекционирование; Кяхта; российские музеи; чаоторговцы; чайный путь.

Title. Regarding the History of Asian Art Collecting: Tracking Collections of the Tea Traders in Russian Regional Museums.

Authors. Guseva, Anna Valentinovna — Ph. D., associate professor. National Research University Higher School of Economics, Staraya Basmannaya ul., 21/4, 105066 Moscow, Russian Federation. aguseva@hse.ru

Demenova, Viktoria Vladimirovna — Ph. D., dean of Department of Art History and Culture. Ural Federal University, Lenina ul., 51, 620000 Yekaterinburg, Russian Federation. vikina@mail.ru

Abstract. While some research has been carried out on the history of formation of Chinese and Japanese art collections in Saint Petersburg and Moscow, only a few studies explored the formation of Asian art collections of regional museums. While the history of collecting indicates that it was a complex and multi-layered process, there are a considerable number of Asian objects that are dated from the pre-revolutionary period. Among a number of different sources one is outstanding — a Tea Road from China to Russia.

This study hypothesizes that a significant share of Asian objects that are preserved in collections of Russian museums which are located in towns and cities linked geographically and/or economically to the Tea Road could have originated from the collections of the tea traders and because of this these collections could have similarities in structure and quality of the objects. Basing on a survey conducted in cooperation with the specialists in local museums of Yekaterinburg, Irbit, Irkutsk, Ulan-Ude, and Kyakhta, this research aims to distinguish art objects that went back to the pre-revolutionary collections of the tea traders and to detect their provenance and to identify collectors.

Keywords: Asian art; Chinese art; Irbit; Kyakhta; history of collecting; Russian museums; tea traders; tea road.

References

Allen G. C.; Donnithorne A. G. *Western Enterprise in Far Eastern Economic Development*. London; New York, Routledge Publ., 2003. 296 p.

Lee Ch. From Kiachta to Vladivostok: Russian Merchants and the Tea Trade. *Region*, 2014, vol. 3, no. 2, pp. 195–218.

Arapova T. B.; Egorova A. A. (eds.). *Iaponskaia keramika Satsuma v sobranii Ėrmitazha. Katalog vystavki (Japanese Ceramics of Satsuma in Collection of the Hermitage Museum: Catalogue)*. St. Petersburg, The State Hermitage Museum Publ., 2009. 168 p. (in Russian).

Arapova T. B.; Egorova A. A. (eds.). “*Sosud vechnoi radosti*”: *iaponskie miniatiurnye chainiki dlia chaia sentia v sobranii Ėrmitazha: katalog vystavki (“Vessel of Eternal Joy”: Japanese Miniature Teapots for sencha in the Hermitage Collection, Catalogue)*. St. Petersburg, The State Hermitage Museum Publ., 2015. 232 p. (in Russian).

Ashitkova A. Iu. Chinese cloisonnés Enamels in Collection of the Radischev Art Museum. *Materialy 12 Bogolyubovskikh chteniĭ (Materials of the 12th Bogolyubov’s Readings)*, 2010. Available at: <http://ogis.sgu.ru/ogis/bogo/mat12/mat12-15.html> (accessed 3 May 2018) (in Russian).

Davydov V. I. The Spiritual Testament of the Merchant of the 1st guild S. A. Chirkov. Notes to the Pedigree of the Bourgeois Chirkovs. *Rodovedcheskii sbornik “Prikosnovenie k vekam. Turinskaia starina” (Genealogical Collection “Touching the Centuries. Turin Old Times”)*, 2012, no. 3, pp. 79–86 (in Russian).

Demenova V. V.; Gunba S. T. The Fate of the Eastern Collection of the Merchant S. A. Chirkov from Turin during the Revolution and after It. *Chelovek v mire kul’tury. Regional’nye kul’turologicheskie issledovaniia (A Human Being in a World of Culture. Regional Cultural Studies)*, 2017, no. 2/3 (21), pp. 56–60 (in Russian).

Elikhina Yu. I.; Demenova V. V.; Vinokurov S. E. *Svoi Vostok. Buddiiskoe iskusstvo 14–20 vekov iz muzeinykh i chastnykh sobranii: nauchnyi katalog vystavki (Our East. Buddhist Art of the 14th–20th Centuries from Museum and Private Collections: Catalogue of the Exhibition)*. Yekaterinburg, Yekaterinburg Museum of Fine Arts Publ., 2018. 112 p. (in Russian).

Eremeeva E. A. The Collection of the Far-Eastern Porcelain in Chinese Rooms of the Grand Palace of Tsarskoe Selo. *Kuchumovskie chteniia (Kuchumov’s Readings)*. St. Petersburg, Pavlovsk Museum Publ., 2014, pp. 107–120 (in Russian).

Kabunova E. M. From the History of Formation and Exposition of the Objects of Oriental Art in Collection of Irkutsk V. P. Sukachev Art Museum. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul’turologiia i iskusstvovedenie (Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History)*, 2017, no. 25, pp. 147–155 (in Russian).

Kazakova V. V. Porcelain in Russian Private Collections in the First Half of the 18th Century. *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena (Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science)*, 2008, no. 77, pp. 100–107 (in Russian).

Kiseleva N. A.; Kiselev E. A. On Exhibiting the ‘Eastern Collections’ of Sverdlovsk’ Regional Museum of Local History: New Approaches. *Kraevedcheskii muzei: istoriia, kollektii, liudi (Museum of Local History: History, Collections, People)*. Kirov, O-Kratkoe Publ., 2016, pp. 220–223 (in Russian).

Kovalchuk A. V. On Economic Freedom, Northern Maritime Fisheries and Governor of Arkhangelsk E. A. Golovtsyn. *Obrazy agrarnoi Rossii 9–18 vv. (An Image of Rural Russia in the 9th–18th Centuries)*. Moscow, Indrik Publ., 2013, pp. 230–255 (in Russian).

Kozhukhar' A. N. Periodization of the Russian-Chinese Tea-Trade. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki (Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Theory and Practice)*, 2011, no. 8 (14), pp. 115–117 (in Russian).

Kozhukhar' A. N. *Vliianie rossiiskoi chainoi trgovli s Kitaem i Mongoliei na povsednevnost' naseleniia Vostochnoi Sibiri vo vtoroi polovine XIX veka (The Influence of the Russian Tea Trade with China and Mongolia on the Daily Life of the Inhabitants of Eastern Siberia in the Second Half of the 19th Century)*, Ph. D. Thesis. Irkutsk, 2016. 212 p. (in Russian).

Kritl N. *Budushchnost' Kiakhtinskoi trgovli (The Future of the Trade in Kyakhta)*. St. Petersburg, Tipografiia Artilleriiskogo departamenta V. M. Publ., 1862. 101 p. (in Russian).

Kuzmenko I. L. (ed.). *Moskovskie kollektsionery proizvedenii iskusstva Vostoka (Moscow Collectors of the Objects of Oriental Art)*. Moscow, Gosudarstvennyi muzei Vostoka Publ., 1997. 124 p. (in Russian).

Kuz'menko L. I. D. M. Mel'nikov as a Russian Collector. *Voobrazhaemyi Vostok. Kitai "po-russki", 18 — nachalo 20 veka: po materialam vystavki v Bol'shom dvortse Gosudarstvennogo muzeia-zapovednika "Tsaritsyno" (Imaginary East. China "in Russian", 18th — Early 20th Centuries: On Materials from the Exhibition in the Grand Palace of the Tsaritsyno State Museum-Reserve)*. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2016, pp. 178–183 (in Russian).

Men'shikova M. L. Chinese Art in the Collection of Polovtsev's Family. *Nashe Nasledie (Our Heritage)*, 2006, no. 79–80. Available at: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/7920.php> (accessed 3 May 2018) (in Russian).

Men'shikova M. L. From the Museum Collections of St. Petersburg of the Beginning of the 18th Century: A Few Chinese Curiosities and Their Drawings. *Ermitazh (The Hermitage)*, 2014, no. 20, pp. 98–107 (in Russian).

Neglinskaya M. A. Collections of Chinese Export Art of the 17th–18th Centuries in Domestic Museums and Their Study. *Informatsionnye materialy IFES RAS, vyp. 3: Istoricheskie sobytia v zhizni Kitaia i sovremenost' (Information Materials IFES RAS, issue 3: Historical Events in the Life of China and Modernity)*. Moscow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Science Publ., 2013, pp. 235–245 (in Russian).

Shinkovoi A. I. *Istoriia razvitiia i formirovaniia kollektsii iaponskikh farforo-keramicheskikh izdelii epokhi Meidzi v Irkutskom oblastnom khudozhestvennom muzee (The History of Development and Formation of Collections of the Japanese Porcelain of Meiji Period in Irkutsk Regional Art Museum)*, Ph. D. Thesis. Irkutsk, 2001. 405 p. (in Russian).

Shinkovoi A. I. From a History of Siberian Porcelain. *Iskusstvo Irkutskia v kontekste khudozhestvennoi kul'tury Sibiri 17 — nachala 21 vv.: Sed'mye Sibirskie iskusstvovedcheskie chteniia (Art of Irkutsk in the Context of Artistic Culture of Siberia in the 17th — Beginning of the 21st Centuries: Proceedings of the 7th Siberian Reading in Art History)*. Irkutsk, Art-galereia Dias Publ., 2012, pp. 20–24 (in Russian).

Shmotikova L. A. On the Border between Two Empires: Trade Towns of Kyakhta and Maimachen. *Voobrazhaemyi Vostok. Kitai "po-russki", 18 — nachalo 20 veka: po materialam vystavki v Bol'shom dvortse Gosudarstvennogo muzeia-zapovednika "Tsaritsyno" (Imaginary East. China "in Russian", 18th — Early 20th Centuries: Based on Materials from the Exhibition in the Grand Palace of the Tsaritsyno State Museum-Reserve)*. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2016, pp. 144–163 (in Russian).

Sladkovskii M. I. *Istoriia trgovno-ekonomicheskikh otnoshenii narodov Rossii s Kitaem do 1917 g. (The History of Trade and Economic Relations of Peoples in Russia and China before 1917)*. Moscow, Nauka Publ., 1974. 439 p. (in Russian).

Sokolov I. A. *Chai i chainaia trgovlia v Rossii: 1790–1919 gg. (Tea and Tea Trade in Russia: 1790–1919)*. Moscow, Sputnik Plus Publ., 2011. 493 p. (in Russian).

Subbotin A. P. *Chai i chainaia trgovlia v Rossii i drugikh gosudarstvakh: proizvodstvo, potreblenie i raspredelenie chaia (Tea and Tea-Trade in Russia and Other States: Production, Consumption and Distributing of Tea)*. St. Petersburg, A. G. Kuznetsov Publ., 1892. 706 p. (in Russian).

Thompson S. Russian Tea Traders. *Journal of Renaissance and Modern Studies*, 1980, vol. 24, pp. 131–163.

Wanner M. The Russian-Chinese Trade in Kyakhta: Its Organisation and Commodity Structure, 1727–1861. *Prague Papers on the History of International Relation*, 2014, vol. 2, pp. 35–49.

Zviagin S. P. The Fate of the Art Collection of Senator N. P. Erakov. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv (Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts)*, 2012, no. 18, pp. 16–21 (in Russian).